

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ

ОЧЕРК

НЕТ, он не мечтал о сцене с детства. Не потрясал всех сыгранной в школьном спектакле ролью. И не писал в сочинении «Кем я буду» — «только артистом».

Время было такое: пороховое, военное. А потом — разлука. И гремевший на всю улицу из первого деревенского репродуктора голос Левитана о Волго-Доне, целине. Иногда над тихой мордовской деревушкой белым росчерком полосовал небо реактивный самолет. И отблеском недавнего времени тревожила война, будоражил подвиг челюскинцев. И не успели еще отойти в глубокое прошлое красные «панки» старших братьев.

Так что мальчишки хотели в герои. Они бредили штурвалами самолетов, целиной, тайгой, великими стройками.

Бредили и они, три закадычных друга: Саня, Вася и Слава. И, наверное, поэтому девять километров до Вертелимской школы и девять обратно, в Темашево, не казались им тогда очень долгими. Скорее наоборот, — времени на серьезные, жизненные разговоры явно не хватало. А однажды и впрямь чуть не опоздали на урок. Накануне попала в руки газета. В ней — объявление: набирается мордовская студия в Ленинградский театральный институт. Вначале не обратили внимания. Настолько далеком от героики казалось дело. А потом...

Сапоги развезжались в весенней слякоти, сороки испуганно отлетали от дороги, но мальчишки ничего не замеча-

ли. Отчаянно жестикуюлируя, решали вопрос: ехать или не ехать.

И наконец решили — в Ленинград. Вместе так вместе.

...Холодным августовским утром они вышли за околицу, оглянулись, прощаясь с избами, палисадами, колодцами, пыльной дорогой. Не знали тогда, что Акашкину и Кручинкину суждено вернуться сюда через пять лет выпускниками Ленинградского театрального института. Повзрослевшими, посерьезневшими.

В Ленинграде научили многому. И не только читать монологи и двигаться на сцене. Здесь понял Вячеслав самое главное: найдено то дело, для которого не жаль жизни.

Подспудные силы, те, что чувствовал в себе, те, в которых еще сомневался, выплеснулись, вышли наружу. Стали реальностью, радостной и тревожной.

И вот Саранск, театр драмы. Первый, после институтских, спектакль.

Летом, вместе с театральной труппой приехал в Мельчаный. Народу в Дом культуры набилось — яблоку негде упасть. Вячеслав привез из Темашева мать, усадил в первом ряду. После спектакля (давали тогда «Четверо под одной крышей») артистов не отпускали долго. Когда стихли аплодисменты, подошел к матери: «Ну, как?» — «Да что сказать, сынок. Смотреть-то интересно, конечно. А все же лучше бы — в агрономы, учителя. Ить сколько пользы они людям приносят».

...Ехал по тряской дороге не-

зад, в Саранск и мысленно спорил с матерью. Нет, не забывай, не потехи ради выходит актер на сцену. Кратко и емко у Станиславского: «Дело актера — воспитывать публику». Воспитывать! И если учитель формирует, направляет податливые детские души, то здесь — взрослые, устоявшиеся убеждения. Разве найдешь этому эквивалент в тоннах зерна или стали, как ни важны для нас зерно и сталь!

Актерский труд. Труд, который не умещается в рамки «от девяти до шести», который не знает ни перекуров, ни каникул. И если рабочий занят своим делом только у станка, а бухгалтер только за своим письменным столом, то актер работает всегда. Даже если он не на сцене. Иначе он не актер. Иначе — ремесленник. Иначе не сможет жизненную достоверность — основу искусства — дополнить памятью сердца, силой эмоций, богатством душевных оттенков.

...С того далекого дня прошло шестнадцать лет. Восемьдесят ролей на сцене театра сыграл за это время заслуженный артист МАССР Вячеслав Павлович Акашкин. Иногда было трудно, очень трудно, невыносимо трудно. Почти впустую прошли первые три театральных года. Иногда мучительно не выходила роль, «буксовала», как он сам говорит. Но помнишь слова чеховского Астрова: «Когда идешь темной ночью по лесу, и если в это время вдали светит огонек, то не замечаешь ни утомления, ни пота, ни колючих веток, кото-

рые бьют по лицу...» У Акашкина такой огонек был: вера в роль. Сложную, забирающую все силы, заставляющую забывать все.

Теперь мечта стала реальностью. Чеховский Иванов, шушинский Простой, айтматовский Ильяс. А еще — образ Ильи Николаевича Ульянова, продавец Трушина, наконец, — Герострата. И в каждой роли — часть его, актерской жизни.

Интересен этот парадокс. С одной стороны ежедневная, ежечасная работа, когда один к одному лепятся наблюдения, откладываются в памяти жесты, голоса, характеры, — такая работа изнашивает, съедает время, силы. Но с другой стороны она же и продлевает жизнь, и не во времени — в многообразии охвата ее, в полноте.

Ведь найти единственно правильный ключик к роли — значит понять жизнь своего героя. То есть, перевоплотившись, жить этой жизнью, дополняя ей свою собственную.

И чем легче «идет» потом роль на сцене, тем больше труда пришлось вложить в нее актеру. Ведь хорошо только то мастерство, которое незаметно, которое «стирается», становясь не выпяченным, а само собой разумеющимся.

Вячеслав Павлович помнит те не дни, а долгие месяцы, когда разрабатывалась роль Ульянова. Была и поездка в Ульяновск, долгие хождения по музею. Попытка зримо представить себе педагога-демократа в кругу семьи, в школе, в кабинете высокопоставленного

чиinuши. И вдумчивое, медленное, с повтором каждой строки, чтение воспоминаний современников. И наконец, оживление истории, прошлого своей человеческой теплотой, своим пониманием добра и справедливости.

Трудно давалась и роль Простого в «Энергичных людях» по сценарию Василия Шукшина. Дотошно подмечал жесты, походку любителей «сброситься на троих». Манеру разговора, обращения друг с другом. Копировал, выбирая все самое характерное, самое типичное, такое, чтоб не в бровь, а в глаз.

Но... репетиции не получались. То есть внешне все обстояло вроде бы нормально: никакой фальши, неловкости, роль шла чисто, как говорят актеры. Но сам Акашкин чувствовал: не то. Не шушинский герой. И однажды озарило: не так-то он прост, этот Простой. И ключик к его сложности — трагедийная нотка, которая прозвучит в унисон с беспощадной сатирой.

«Я на покосе родился. Нас в семье одиннадцать было», — это ведь не пьяные воспоминания, это — тоска по оставленной земле, по засубленной водкой и «выгодным делом» когда-то хорошей жизни.

Вот что нужно усилить. Вот о чем нужно сказать поярче. Решение пришло. И только тогда наступил тот подъем, раскрепощение сил и радостная легкость игры, имя которым — вдохновение.

Так была сделана еще одна роль. Одна из восьмидесяти. Нет, не каждая была так вдохновенна. Не каждая приносила радость, искупающую недели труда. Но даже если и не каждая, даже если только половина — и тогда стоило бы жить этой многотрудной актерской жизнью. И дело не только в аплодисментах.

Конечно, приятно было, когда, посмотрев Акашкина на сцене, восторженно отозвался о нем московский критик. Когда Указом Президиума Верховного Совета Мордовской АССР ему было присвоено звание заслуженного артиста республики. Когда выходил на сцену под крики: «Браво!» на премьере «Энергичных людей». Но самое главное, как считает он сам — самосознание полезности своей земле. Полезности своего дела. Понимание, что делаешь его хорошо.

Много или мало на свете счастливых людей? Никто не знает. Здесь бессильна статистика. Да и что такое счастье? Кому удалось свести его к точной и краткой формуле?

Но если есть у человека дело, которое все в его жизни, и спустя шестнадцать лет после начала его может сказать: я выбрал путь единственно верный, единственно возможный. Счастливы ли он?

— Да!

...В примитивной тихой. Лениво льются в окно зимние сумерки. Чуть уловимо пахнет театром: примом ли, пылью ли старых декораций, или хвойными кольцами стружек, оставленных плотником на сцене.

Вячеслав Павлович привычным жестом накинул пиджак на спинку стула. Сел у своего, крайнего справа, зеркала. Еще есть время. Тихое, предрепетиционное. Можно снова и снова мысленно попробовать один вариант. Второй. Сравнить. Решить, который же — истина.

Будет ли удачен этот день? Кто знает. Праздники не могли быть ежедневными, если бы были ежедневными. Но то, что будет удачен второй, а если не второй, то обязательно третий, наверняка. Ведь что такое удача? Это труд, помноженный на талант.

Н. КАЛИТИНА.